

Когда Цзян Хуайцзинь наконец закончил возиться и вышел, он был всё в той же одежде, только пуговицы на рубашке застегнул как попало.

Линь Нуань вздохнула, смирилась с судьбой и застелила ему диван-кровать.

Этот маленький диванчик отлично подходил для Чэнь Гого, но для такого здоровяка, как Цзян Хуайцзинь, он был явно маловат: добрая часть его ног свисала наружу.

Впрочем, Линь Нуань было уже не до того. Она кое-как расправила одеяло, схватила свои вещи и, не оглядываясь, ушла в ванную, заперев за собой дверь.

Когда она вышла, Цзян Хуайцзинь всё так же сидел на самом краю дивана в прежней позе.

Воротник его рубашки был широко распахнут, открывая четкие линии ключиц, волосы растрепались, а взгляд, устремленный на Линь Нуань, был каким-то призрачно-томным.

Линь Нуань не поняла: — У тебя опять что-то стряслось?

Цзян Хуайцзинь поджал губы. В его тоне проскользнула едва уловимая обида, смешанная с невозмутимой уверенностью в своей правоте: — Нет пижамы. Не могу уснуть.

...Да чтоб тебя.

В конце концов, Линь Нуань отправилась в спальню искать для него хоть что-то подходящее, но, перерыв всё, так и не нашла одежды, в которую мог бы влезть Цзян Хуайцзинь.

Спустя некоторое время её взгляд упал на аккуратно сложенную футболку в самом углу шкафа.

Она купила её еще в университете вместе с лучшей подругой. Размер был огромный, до самых щиколоток, но вещь была довольно нелепой: на груди красовался смешной принт с перекачанным качком.

Линь Нуань принесла футболку и бросила её Цзян Хуайцзиню: — У меня есть только это.

Цзян Хуайцзинь покачал головой: — Не хочу. Она некрасивая.

Линь Нуань: — Тогда не носи... У меня больше нет ничего, что тебе налезло бы.

Цзян Хуайцзинь сидел на диване, долго мучаясь выбором между вонючей рубашкой и уродливой футболкой, но в итоге всё же забрал пижаму и ушел в ванную.

Когда он вышел обратно, в его глазах всё еще читалась обида.

Свободная футболка на Цзян Хуайцзинь сидела в обтяжку. Из рукавов выглядывали крепкие руки, а на груди красовался тот самый качок.

Глядя на этот нелепый вид, Линь Нуань едва не зашлась в приступе смеха.

Но стоило ей вспомнить, как эти самые руки чуть не задушили её пару часов назад, как смеяться сразу расхотелось.

К тому же, если завтра Цзян Хуайцзинь протрезвеет и осознает, что произошло, не разозлится ли он настолько, что прикажет Цзян Цзяню уволить её?

Хотя ведь это он сам напросился!

Подумав об этом, Линь Нуань взяла запасной телефон, направила камеру на Цзян Хуайцзиня и спросила: — Господин Цзян, вы ведь сами захотели надеть эту пижаму, правда?

Цзян Хуайцзинь посмотрел на телефон с выражением глубокой обиды: — Нет, это ты меня заставила...

Линь Нуань тут же выключила запись: — Неправильно! Совсем не то! Скажи заново!

Цзян Хуайцзинь: — Не буду. Я спать хочу!

Линь Нуань: — Пока не скажешь четко, не уснешь.

Делать было нечего. Цзян Хуайцзинь, глядя прямо в камеру, по слогам произнес: — Линь Нуань потребовала, чтобы я надел пижаму, и я сделал это добровольно.

Линь Нуань не вникла в тонкости формулировки, но, услышав слово добровольно, с довольной улыбкой убрала телефон. Отлично, всё схвачено.

Она пересмотрела видео: Цзян Хуайцзинь смотрел в объектив с таким обиженным видом, а на его груди всё еще красовался мускулистый качок.

Линь Нуань тихо хихикнула.

Если завтра её всё-таки уволят, она предъявит это доказательство.

На остаток жизни точно хватит!

Убедившись, что Цзян Хуайцзинь больше не буянит, Линь Нуань забрала кошек — Апельсина и Помело — в спальню и заперла дверь. Дверь запирали ради своей безопасности, а коты забирали — ради безопасности Цзян Хуайцзиня.

Причина была проста: её коты по ночам, пока люди спят, любили отплевывать им пощечины обеими лапами сразу. Оба.

Иначе с чего бы она каждую ночь запирались в спальне?

В прошлый раз она рискнула оставить Чэнь Гого ночевать в гостиной только потому, что Апельсин и Помело были довольно дружелюбны ко всем женщинам, кроме самой Линь Нуань.

...

На следующий день рассвело, однако для протрезвевшего Цзян Хуайцзиня небо потемнело.

Утреннее солнце пробилось в гостиную сквозь щель в шторах.

Цзян Хуайцзинь открыл глаза и увидел незнакомый потолок. Он лежал, свернувшись калачиком на диване, который был явно на размер меньше нужного, укрытый тонким пледом и окруженный кучей плюшевых игрушек.

Он сел и огляделся: маленькая гостиная была завалена фигурками и мягкими игрушками, на ковре валялись мелкие безделушки — тесно, но по-домашнему уютно.

Очевидно, это место не имело ничего общего с его привычной жизнью.

Цзян Хуайцзинь потер ноющие виски и попытался встать, но тесная пижама натянулась, он потерял равновесие и наступил ногой на серую игрушечную мышь.

— Пи! — раздался резкий звук, заставивший его вздрогнуть.

Он опустил взгляд на свою одежду, и, кажется, к нему вернулись воспоминания. Лицо его вмиг приняло непередаваемое выражение.

На всегда холодном и невозмутимом лице впервые появилась трещина.

За все свои двадцать девять лет Цзян Хуайцзинь еще никогда не испытывал такой сложной гаммы чувств.

В спальне Линь Нуань услышала скрип и тут же проснулась — она и так всю ночь спала беспокойно. Она быстро вскочила и распахнула дверь.

Следом за ней выскочили коты и, едва увидев Цзян Хуайцзиня, начали на него шипеть.

Похоже, вчерашний инцидент братья ему еще не простили.

— Что такое? Что случилось? — Линь Нуань вышла и замерла, увидев холодное, но слегка подергивающееся лицо Цзян Хуайцзиня.

Встретившись с ним взглядом, Линь Нуань мгновенно пришла в себя и затараторила, пытаясь оправдаться: — Господин Цзян, здравствуйте! Я Линь Нуань, работаю в филиале корпорации Цзян. Вчера вечером я увидела, что вам на дороге небезопасно... и потом... вы...

Она замялась. Не говорить же прямо: «А потом вы увязались за мной и отказались уходить из моего дома».

Цзян Хуайцзинь посмотрел на неё. Лицо девушки всё еще хранило следы юношеской наивности.

Он припомнил, что вчера видел её у Цзян Цзяня.

Глубоко вздохнув, он постарался сохранить невозмутимость и глухо спросил: — Где моя одежда?

Линь Нуань поспешно указала в сторону ванной.

Цзян Хуайцзинь широкими шагами направился туда и увидел в корзине для грязного белья свою измятую в гармошку рубашку.

Помолчав, он снова вздохнул и с явным трудом натянул её на себя.

Линь Нуань снаружи чувствовала себя как на иголках, поджимая пальцы ног от неловкости.

Когда Цзян Хуайцзинь вышел, атмосфера стала еще тяжелее.

В крошечной квартире воздух словно застыл.

Наконец, Цзян Хуайцзинь первым нарушил тишину, вернувшись к привычному вежливо-отчужденному тону: — Госпожа Линь, не могли бы вы одолжить свой телефон? Мой остался на вчерашнем банкете.

Линь Нуань тут же с подобострастием протянула ему свой запасной аппарат. Цзян Хуайцзинь принял его и уточнил у неё точный адрес.

Он быстро сделал звонок, отдал пару распоряжений и повесил трубку. В квартире снова воцарилась удушающая тишина.

Квартира Линь Нуань и так была невелика, а из-за обилия её вещей казалась еще меньше. Ей нравилось это чувство уюта и защищенности, но сейчас, когда здесь стоял такой крупный мужчина, как Цзян Хуайцзинь, пространства стало катастрофически не хватать. Линь Нуань не удержалась и потерла нос — казалось, воздух вокруг был пропитан его «аурой босса».

Она осторожно спросила: — Господин Цзян, вы... помните, что было вчера?

Бровь Цзян Хуайцзиня едва заметно дернулась, но он невозмутимо ответил: — Не помню. Впрочем, спасибо за ваше... гостеприимство. — Последнее слово далось ему с трудом.

Линь Нуань выдохнула: — Ничего страшного, правда! Может, я могу еще чем-то помочь?

— Не нужно, — тон Цзян Хуайцзиня остался холодным. — Занимайтесь своими делами.

<http://bllate.org/book/18744/1813067>